

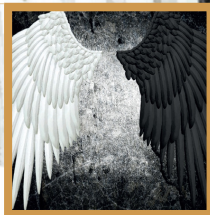

Игорь
Бойко

Возвращение

московские
ПОЛЕТЫ

Игорь Александрович Бойко

Возвращение

Серия «Московские поэты»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44559045

И. А. Бойко. Возвращение: ИПО «У Никитских ворот»; Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-840-7

Аннотация

Игорь Бойко – поэт серьёзный. Он воспринимает поэзию не как забаву или попытку произвести впечатление на ближних и на дальних, а как удел, как долю, которые ничем не избыть, как бы она иногда ни была тяжела, как бы ни заворачивали её в неуютную фольгу безвестности и непризнанности. Свою интонацию он нашёл, и следует с ней как с флагом по своей поэтической жизни. Можно не сомневаться, что флаг этот у него из рук не выпадет – крепость его поэтической хватки впечатляет.

Содержание

Доверившийся поэзии	5
Граница пространства	10
Скручивая мирозданье	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игорь Бойко

Возвращение

© Бойко И. А., 2019

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2019

* * *

Доверившийся поэзии

Игорь Бойко – поэт серьёзный. Моцартианство, ироничность, обаяние постмодерна – это всё не про него. Для автора книги «Возвращение» поэзия – это мужской стоицизм, желание во чтобы то ни стало искать свой путь, свои слова, свою интонацию. Интонация в поэзии – это как личный код. Если ты её нашёл – ты узнаваем, ты имеешь право на голос, на эксперимент, на дерзновение. Если нет – потерялся в поэтической толпе, и уже не выберешься.

Игорь Бойко свою интонацию нашёл, и следует с ней как с флагом по своей поэтической жизни. Можно не сомневаться, что флаг этот у него из рук не выпадет – крепость его поэтической хватки впечатляет.

Поэт Бойко воспринимает поэзию не как забаву или попытку произвести впечатление на ближних и на дальних, а как удел, как долю, которые ничем не избыть, как бы она иногда ни была тяжела, как бы ни заворачивали её в неудобную фольгу безвестности и непризнанности. Такое его кредо кроется и в названии. «Возвращение» – это не какой-то конкретный момент, а постоянное состояние поиска себя, перебегающее со страхом себя потерять.

Это внутренне интровертное ощущение для Бойко важно, он концентрируется предельно вдумчиво на каждом своём стихотворении, не позволяя поэтическим волнам нести се-

бя куда попало. Но это ничуть не мешает ему впускать в себя всё богатство житейских впечатлений, помещать внутрь своих строк всё парадоксальное разнообразие окружающего мира, ценить прошлое и приближать будущее, стараться увидеть в человеке лучшее в любой ситуации.

Забайкалье

Друзьям той эпохи

Змея за мною ползёт по следу,
Оставленному – тому столько лет – на горе.
От следа, чаши извечной, отведав,
Исходит восьмёркой, шипя на заре.
К утру гора белеет, как череп,
Гудит мой двойник, мой возлюбленный терем,
И вторит серебряной молнии звон —
Вернулся домой костяной камертон.

Отрадно отметить, что Игорь Бойко понимает значение поэтической культуры, мастерства, интуиции для развития поэзии как жанра. Никакие сильные эмоции и изобретательные парафразы не будут иметь на читателя должного воздействия, если их не облечь в безукоризненную форму.

Все элементы формы Бойко изучил и применяет их с виртуозной свободой.

Он может позволить себе срифмовать не формалистиче-

ски точно, а на слух. Это работает, поскольку литературный слух у Бойко почти абсолютный.

Пулемёт поперхнулся, метель замела
Труп в обугленной хате...
Не узнает народ, не узнает земля,
Был герой он – или предатель.

В стихи Бойко необходимо вчитываться. Объём его поэтических опытов весьма велик. И в каждом стихотворении новая грань его личности. Он не прикрывается за лирическим героем, за равнодушием поэтического наблюдателя, в его стихах бездна человеческого вещества, его кровь, его понимание мира и его персональная судьба.

Мотылёк

Мальчик узнал, что умрёт, и громко рыдает.
Улыбается мама: что за брызги из ландышей мая?
«Это будет не скоро, так не скоро, почти никогда,
И сперва буду я, и ещё не умру, а состарюсь,
Да и это почти никогда, сколько вёсен растает».
Не смолкает малыш: всё равно это будет, будет!..
Горе заговаривает мама, как водицу студит:
«Вон летит лепестковая жизнь, мотылёк,
И увянет так скоро, как домик-цветок».
Только это не в счёт.

Заговоры не действуют, горе кричит и течёт.

Вот как Бойко тонко описывает познание мальчиком таинства жизни и смерти, какой чуть изломанный, но очень подходящий ритм для этого выбирает! Не приходится сомневаться, что здесь автор рассказывает о своих собственных ощущениях, так искренне это написано, так навзрыд, так задевает и заставляет вспомнить себя, сравнить себя с этим рыдающим малышом. Это большая удача, когда личный опыт поэта возрастает до личного опыта каждого, читающего текст.

А вот как броско Игорь Бойко высказывается по поводу одной из ключевых фигур российской истории.

Калита

Не жжётся пламя давних бедствий,
Удачлив будь – и минет срок!
Плевать на цель,
Плевать на средства —
Успехом затмевай подлог!
Будь виноватый или правый,
Пройди людской и Божий суд —
Но основателя державы
Изменником не назовут.

И здесь нет ни капли исследовательского надменного при-

шура. Видно, что стихи написаны человеком, влюблённым в свою страну, в её историю, живущим не личным и суетным, а всей грудью вдыхающим наш многовековой исторический воздух.

А вот образчик мужественной лирики, где, чем скупее слова, тем сильнее напряжение страсти.

Так помнят созвездия волгло —

Ощупью-светом...

Тонко.

Алмазная тлеет наковка

В плече океана: «Ольга»...

Трепеты белых наливов,

Талая ветка смущенья

И святотатство наива

В каждом прикосновенье.

Тем, кто будет читать «Возвращение», предстоит удивительно знакомство с многогранным человеком, человеком, доверившимся поэзии, и она это его доверие оправдала. Равно как и сам Игорь Бойко оправдывает доверие тех, кто открывает этот яркий и самобытный том.

Максим Замшев

Граница пространства

* * *

Кровь угрюмого погреба терема,
Лишь разбавить звёздной рудой,
Ворон выберет мёртвое дерево,
Хоть летит за живой водой.

Цветок

Зная не цвет... но – стынь,
Да и не будь той – от сердца до кончиков пальцев, —
В ночном саду цветок распускается,
Тьму превращая в синь.

Забайкалье

Друзьям той эпохи

Змея за мною ползёт по следу,
Оставленному – тому столько лет – на горе.
От следа, чаши извечной, отведав,
Исходит восьмёркой, шипя на заре.
К утру гора белеет, как череп,
Гудит мой двойник, мой возлюбленный терем,

И вторит серебряной молнии звон —
Вернулся домой костяной камертон.

* * *

Сдавило досками, любовью, сделкой?..
Морями будь.
Дощечка колыбели тайной стрелкой
Всё ищет путь.

Мотылёк

Мальчик узнал, что умрёт, и громко рыдает.
Улыбается мама: что за брызги из ландышей мая?
«Это будет не скоро, так не скоро, почти никогда,
И сперва буду я, и ещё не умру, а состарюсь,
Да и это почти никогда, сколько вёсен растает».
Не смолкает малыш: всё равно это будет, будет!..
Горе заговаривает мама, как водицу студит:
«Вон летит лепестковая жизнь, мотылёк,
И увянет так скоро, как домик-цветок».
Только это не в счёт.
Заговоры не действуют, горе кричит и течёт.
«Ах, малыш... С океанами тянется век черепах, альбатросов.
Им песчинка — век мотылька, но их жизни равны, говорят,

Если радостью мерить».

«Как же так?»

«Может быть, как во сне, не проснулся пока,

Здесь – миг, а там проживается много».

«Мотылёк проживает во сне?»

Вот и горе ушло.

Но какую дорогой?

Улетел мотылёк. И состарилась, и умерла красавица-ма-
ма.

В сон из тени на свет лиц и жизнью обрывки,

Твоих парусов чёрных, алых летят панорамы.

Всюду женщина – знак... гений, ангел изменчивости, тём-
ное пламя,

Как дробится оно в диких водах над головой, под ногами.

И как будто родился горой... баобабом, сосущим века,

Океаном, гудящим черепахами, альбатросами,

Под луною вздымающимся, цепenea торосами,

Но отмерили век мотылька.

По судьбе, по стерне, чисто силой краплёною крыто,

И обрюзглые мысли плетутся, как свиньи в корыто.

Философскую паузу чуткое держит кладбище,

Отдалится, прикинется рощей уютной в накрапах

И стервятников, чинно кивающих, держит за лапы,

Гладит, но и грозит: чьи там глазки всё делят и рыщут?

Выручай, мотылёк,

Принеси ему

Орошённую утра улыбку,
Где беда так не скоро, почти никогда...
В любовь погружённое,
И зерно заполняет мир.
Кто любит, быстрее живёт,
Но между песчинок часов.
Колыбельная мраку улыбка.
Выноси, мотылёк.

Умощения

Мучит зависть – отмщение к мирозданческой роли,
И вот её словно не ты (одержимости дух)
Проживаешь в поступке-обряде и плоти-наряде.
Уподобясь творцу,
Прогонять себя сквозь воплощений хлысты,
Где внутри высекается рай,
А снаружи надсмотрщиком ад.
Где предатель и сребреники берёт
Не денежной выгоды ради;
Императрица,
Ночью шлюхи переодетая,
Берёт за любовь медяки с моряков и солдат.
Где казарма – излюбленная
Императора черновая рубаха,
А клинком распахнутая арена —
Парадный мундир, ибо гения праха.

От сожженья великого города до сожженья амбара —
Всё ступени единого восхождения над...
Умашенье Вселенною —
Как соскобленные
Пот и кровь гладиатора,
В благовония, в драгоценную склянку, —
Плоть и кровь зажигающие
В патрицианке.

Рыба и океан

И если кто бывает приголублен,
То океан давно его прирыбил,
Где в коконе вся материй глубь —
От капли, впадины, до млечной зыби —
Всё памяти кристалл, един глоток,
Теперь вмещённый дабы в твой роток.
Посылы рыбе, горевая стать,
Чтоб одиночествами обменяться,
Как будто сопричастиями братства,
И просто, наконец, друг другом стать...
Где рыбе, тяжестью в сам океан,
И вдох дырою чёрной будет дан.

Ветер

Руками мысли не удержишь —
Ветер

С извилинами рвёт,
Как листья с веткой, —
Где был с вещами и людьми иными
Листок последний – собственное имя...
Я кто? Я где? Почти что пустота,
Пространство облетевшего куста.
Похоже,
Это не совсем и ветер...
Или – возникший не на этом свете.
Теперь он возвращается на тот —
Вот-вот макушку-голову снесёт.

* * *

Так помнят созвездия волгло —
Ощупью-светом...
Тонко
Алмазная тлеет наколка
В плече океана: «Ольга»...
Трепеты белых наливов,
Талая ветка смущенья
И святотатство наива
В каждом прикосновенье.
Этим кубышку наполни,
Дрожь закрывая ставнями...

Только подумалось – полно —

Всё – истаяло.

Ночь океана горела,

Схватывая перекрестья,

Над глубиною тело

Вспыхивало созвездьем.

Вечно созвездье тела,

Остановись – прекрасно!..

Мысль отлететь не успела:

Всё – погасло.

Спирт – морозное утро,

Вермуты – чёрные ночи.

Выпьем, звёздная утварь,

Чтоб захлебнулись корчи.

Ковш, эфиоп-виночерпий,

Чокнемся – не было донца,

Темень от пяток до черепа

С теменю перехлестнётся.

Цыгане

1

Наследства – кот наплакал...

Правда, плакал

Брильянтами из тётушкиных дней.

Их блеск был вместе с ней и юн, и лаком,

В ушах, кудрях невестился на ней,

Дробя огни венчальные свечей,
Подушки, взгляд с подложкою ночей.

...Тела поистлевали, как лотки,
Намытые оставив огоньки.
Ты тщила к ним и своего добавить —
От скудных засух капельку росы
Для внучек, для красавиц дальних, бальных
Улыбку с оболочкою слезы —
В тот чудный день,
Ещё от школьной парты
Обещанный, куда народ, страна
(Он лучше и видней с подложки дна)
Спешили то во сне, а то в запарке.
Те сколочки звезды из-под земли
Не то, чтоб к очагу благополучья
И даже не на тёртый чёрный случай,
Но всё же в красоту глаза вели.
А денежка зажата в кулачке —
Всё светится и, вроде, налегке.
Пожалуй, там была ещё отдышка,
Так аскетизмом превращаешь ты
Убогий быт в сияние звезды,
Графит спрессовывается
До вспышки.

Просил повременить, но ты как будто
Идеей одержима беспробудной.
О, как ты торопилась передать,
Как будто перезреет благодать.
Как есть, когда всё сыплется вокруг
Быстрей, чем пересчитанные деньги, —
Успеть с последней пригоршнею – денно,
Покуда держишь лодочкою рук.

А внучке вышла мозговая взбучка...
Цыганкой невеличкой, закорючкой,
Поставленной в рассудок чьей рукой?
Как знак – не преступить и не объехать,
Лишь разгадать – и в памяти прореха,
Когда сотрёшь. Останется с тобой.
Разбив яйцо, цыганка показала
Дух курицы в разводах черноты, —
Ниспосланность проказы и развала
Семье, чью кровь, как чашка, носишь ты.
Мол, «золото-брильянты» нечисты —
Как в тазике, промыть их в Божьем храме,
Чтоб получили Божии охраны
И украшенья и семья, и ты.
...Звон колокола, голос, вера, крылья? —
Головку подхватили и накрыли.
Цыганка... церковь... узелок...

Слова?

И в ней, и с ним —

Всё в басне такова!

И Бог не выдал, и свинья не съела,

Лишь тень уже пустого узелка,

Свернувшись бантиком, взмахнув несмело

Развязанностью кончиков, помлела,

Ушла над колокольной в облака

(А вдруг то было херувима тело,

Платочек Господа — так это кстати,

И здесь Он не оставил благодатью).

Рыданья первыми очнулись сами,

Стуча в мозги и комнату с ментами.

А что менты?

Менты цыганам братья

Карманно-разыскных мероприятий.

3

Я знаю, тон, в котором говорю,

Тебе пришёлся б, мягко так, не очень,

Но здесь, по сути, даже не творю,

А всё, как есть, вколачиваю в строчки.

Прости, что жизнь случилась таковой,

Как сучка с кобелём под визг и вой,

Позолоти, как эти ручки, разно,

Сей тон – а всё в собачьей свадьбе вязнуть.
И как мне было уберечь её?
Учить, что все цыгане сволочёй?
А вдруг не все?
Ведь я же не фашист,
За свастику кишками не подшит.

И что? Она хотела всем помочь,
Отмыть от бед семейство, липнут коли...
За то её по-цыгански казнить
Продленьем мести —
Значит, с ними вместе,
В цыганскую же обращая сыть?

...За хмарью дня присматривает ночь,
При случае свой доливая колер.
Да, этот хлев —
Хоть весь устли соломкой —
Найдут прогал, раздвинут и – с мечты —
Тут с чердака...
Побольше высоты? —
Так с крыши да с конька, с предельной кромки —
Чтоб хрустко, кости нороят, чтоб ломко!

Слеза, которой воздаянья нету,
Сама поёт себе,

Чтоб стать отпетой...

4

С тех пор – как «мелочь» после стольких ран
Котовы слёзы в «сбруе» у цыган.

А те бредут себе, черня, по свету,
Кому-то белому, возможно, им,
Где блеск слезой протравленной монеты,
Как девственность, борделями ценим.

В рыданий недрах тот же грош, ей-ей,
В них сдавленный, алмазней, золотей,
А стало, по всему, иная плата
За вход, а стало, и в иную дверь —
У каждого свой бог и слово свято,
И вдохновенье, конь (иль кто?) крылатый,
Чьей пригоршнею меряешь теперь?
Где статус повышается верёвкой,
Тобою загнанных по петлям ловким.

Ты скажешь, только по добру всё проще —
Во зле и те горят, несчастны, мол...
Да полно, что темнить чумную рощу?
Горит, доху дохаживая, моль!
Но моль – блондинка, эти все чернявы,
Живучи, ибо сами из отравы.
Где сказка пела, чавкала, чернела,

Смеялся гадалчонок, а не плакал,
Подсаживая на иглу, как на кол.

Конечно, грустно, что цыганок бьют,
Когда они добычи не приносят
Баронам; что баронов порча косит,
Свинец, железо, замыкая круг
Всея нечистых дружек и подруг.
Гармония? Порядок и уют.
Барон под камнем делается князем,
Как титул, отшлифованный червём,
Восходит в превращении своём
К прижизненно прилипшей рифме: грязи.

Опять ты скажешь:
«Не впадай в чернуху».
Но знаешь, если все —
под дых да в ухо,
Всё менее спасает красота
И выражения лица и рта.

5

Танцуют – врут и врут – поют и врут
Всем, что имеют, – картами, руками,
Младенцами, больными стариками,
Закатом, сном, своим, чужим лицом,
Куриным, человеческим яйцом.

...Среди хоров тасованных колод,
Когда любая вещь – рубашка карты
Краплёная, гудит орган азарта,
Исхода нет, сюда лишь только вход.
Те облачения разуму несносны,
То ль упомянутые их обноски!

Чумазыми руками-мотыльками
Бренчит беда на клавишах вещей —
Врунишек... эту музыку подшей,
Как бантик, от извилин до ушей.

6

Всё ж ты права, кота над цыганами
Да будет плач! Они и в нас, и с нами,
В чужих мечтах надетых, как шелках...
Как смерть, что носит украшеньем прах.

И здесь сотрём повторы и эстетство,
Пролитые в невымытый ушат
(Газетой – недоразуменье это!),
Мечтою Зверя с Богом по соседству,
Где всё – звучание, а в числах – средство,
Где мир героев – выросшее детство,
Ты сам – живой тот эпос, ибо в сердце,
Седом и льдистом... в нём, а не в ушах,

Те арии, как бездны, всё глущат.

Цыгане – тучки крови и рубах,
Чужих и с них надетое дыханье,
Как то, чему приглядно издыханье,
Донашивать, что на груди стихает.

Так Смерть плетёт истории ажур,
Сырцы братая с теми, кто из них
Тянул в татуировке абажуры,
Перчатки для возлюбленных своих,
Её впуская в страсть, любовь, лямуры,
Как падающих листьев дух и стих.

7

Прости за мрачноватость в обороте,
Закончим на весёлой, доброй ноте.
Цыгане, понимаю, не прочтёте
Вы этих строк, они вам до... звезды.
Так мне и надо... вам... выходит – нам.
Тут не запутаться б, короче, дам —
Клянусь на всём, что дорого, в почёте
У вас – кобылах ваших и колёсах
Телег, и на колёсах наркоты,
На картах, верных псах и плётках хлёстких,
В ручонке с дозою рождённых детей,
На вас, ни слов, ни дел не знавших этих,

Клянусь на всём, что тотчас же отпето,
Едва к нему вы прикоснулись где-то, —
Дам цену... две... чёрт с вами, три цены —
Верните только краденые слёзы!
Котовы ли? Где пальчики видны,
Глаза, мечты, чей пыл оплошно роздан.

А если нет – пусть не долижет червь
Барона вашего – чтоб тот из гроба
К вам ночью шёл, гроб захватя, чтоб оба,
Нет – трое лучше:
Червь до кучи – бучей,
Ленивую свою гоняли чернь —
Досыпать недокраденное, чтобы,
Как ни расти воровушка-казна,
Чтоб – пусто ей, поскольку гроб без дна.

8

Бог шельму метит, и не только Бог.
Кто метит их, вопрос, увы, изрытый,
Как говорится, было бы корыто,
А свиньи будут... Метит Кабысдох.
Да будет с ними Кабысдоха мета,
А над тобой – с брильянтами комета,
Которой, впрочем, все в одной цене.
Тебе не так, но так почти что мне.

9. Апология цыган

...Но Ольга, вещая в стихе, Шевчук,
Как человек, меня гораздо лучше,
Не говоря про цыган (будь я слушен!),
Да и знакомый голос всех излук
Воды, земли, поэзии и прочих
Стихий, где, как в извилины, вколочен
Вселенский разум, где все устья разом,
И да! В пределе – перевёртыш-эхо,
Ещё бы чуть (нельзя!) и – альтер эго —
Предписывают мне любить цыган,
Как братьев, пусть не меньших, может, сводных.
Да я любил... Сам чувствую изъян,
Младенец выплеснут? Утоплен в водах?
Рассмотрим поподробней от исходных.

Вот эту строчку, будто занавеску
Из ситца подними – в окне за ней
Базарный клёкот городов и весей,
Мерцанье сбруй, гаданий – горсть огней,
Созвездием летящих над дорогой,
Крылатый клин до искончанья дней,
Где всё возьми, спусти – узду не трогай,
Что свешена с небес, – сей искус Бога,
Ведущую в огни и без огней.
Она распятем даже в изголовье,
Средь талых туч и солнц, метелей носких,

Где ветра вечного с попутным ловля, —
Выходит, реквизит вся подмостков.

Любовь, что вечно окликает кровь,
То ж эхо криво, близнецы, творцы —
Да кто – кого? Да обе, да по кругу
Изгонному... смешаться, стать друг другом,
Всё, всё есть ложе, выстланное сердцем,
Как в полынью иль молнию одеться.
Тут в оберег себя не скажешь: «Чур!»,
Хоть смехом, хоть проклятьем поливая,
Для русского то рифма роковая,
Как для французов их лямур – тужур.

Так средь земель на кошелёк напасть,
Мог и не брать, но взял и тратил всласть,
Хоть чуял костью – это всё не просто,
А в кошельке, что ни деньга – напасть.

10. Из протокола разума

«Народ за дочь свою не отвечает».
«Скорее, дочь иная за народ».
«А впрочем, кто их, к чёрту, разберёт,
Кто за кого, кого и как дерёт».
В картинках протокол забыт? Нечаян?
А разум в пробуксовке сам не тот.

Рука перекрестить стремится рот,
Гранёный посох шаря наперёд.

11. Апология чистого разума

Идея воли обыскалась тела,
Для воплощенья лучше не нашла —
В напев навоз отёрла, как сумела,
И в гривы розу дикую вплела.
Вбивая кол, шепнула: «Ни кола!»
Зато и в ручку волю заложила,
Чужого горя золотую жилу.
Коней, костры, шиповник — век изжил,
Оставив ручку золочёных жил.
Позолоти — когда тебя ети.

Что править, если создавал не ты,
Что утирать морщины мелодрамы —
Возьми сновья и холст, и кисть, и раму —
Вдруг прежнее осколкам красоты
Подложка, зданья истинности ниша,
Где омовение теней излишне —
Чтоб мрамор новорожденной блестел,
Как радость, страсть... Да неужели лучше,
Как в бизнесе проплаченные кущи,
Всеправедно, где самый смысл дебел?

Месторождение

Бред неба превращённого,
И луч, и гвоздь.
Наколото, и кровь запомнила настои.
Вселенная колючей проволоки звёзд.
Богатство горьких душ, распятие святое.

* * *

Завязью, червоточиной яблони
В камнях дома
Вызревало заклетье: «От ворот – до ворот»,
Где уличная девчонка читает слепому,
Прозревая страницами, по которым ведёт.

* * *

Прожилки листьев – деревца повторы,
Все вместе – реки, пущенные вспять.
Одни текут во тьму земного моря,
Те тянутся к небесному... Не вскоре
В надежде где-то там друг другом стать.
Все воды тянет глубь...
Но лишь слились —
Уже воронкою морочит высь.

Что душам – высь?..

Им снятся – лишь взлетели —
Тела, оставленные на постели.

* * *

От ангелов Христовых

До языческого блуда —

Беспредельность,

Взыскующая предел.

Любовь – сообщающиеся сосуды

Душ и тел.

Скручивая мирозданье

Небесная комедия

Будто из неостывшего моря,
Исходит из сердца, седея на холоде, пар Оли.
Иль морочит сам ангел изменчивости
Кривизной раздвоения, превращения пар Олей?
Вроде входы закрыли в любимое прежнее небо.
Ввели вдруг неизвестные пароли...
Боже правый!
Да проще всё: сызмальства добрые близкие,
Исправляя плакучесть извилины, мало пороли...

Но откуда воеет? Дыра хохочет...
Горлом и теменем скособочена,
Всячины сколько тут жило, набито
(Ставни открыты, или закрыты?),
Всяко выходит – всему труба —
Туда и дорога! Заходится кочетом
Красным с нутра, чернотой отороченным,
Ополоумевшая изба!
Одно утешение: лунное зеркальце
Над ликом избы искорёженным вертится.

Стоп!

Да и не луна это – а оторванная башка,
Чтоб прозрачнее взгляду, и без тёплой дрожи
Воздуха, взгляд чтоб до истины дожил.
Не твоя ли... брошена за облака?
Не поспевая за экспрессами трезвого,
Разглядывает: сколько чего отрезано?

А как же изба? Иль опять раздвоение?
Монета, подброшенная, растеряла
Двуглавость, где обе – ни к чёрту —
Вопль и взор —
Млад и стар – меж собой рассечённых.
Выноси же хоть ты —
Что осталось? – безбашенное оперение.

Так что же тебя в небеса привлекало?
Синь – стынь? Жили-были восторга лекала.

Сочувствие вложено в космос... да...
Плачи-поиски, ощупь беспалая.
Звёзды издали – слёзы Господа,
Вблизи превращаются в слёзы дьявола.
Впрочем, всего повидав, и вдостали,
Из плачей нечисти вызнал хоть малого?
Поправимся: издали – слёзы Господа,
Вблизи превращаются в хохоты дьявола.

Хлебнув молока
Из-под бешеной коровы Вселенной,
Следишь, как червем точит,
Смертью по следу проносится тотчас,
От себя отговаривая, сокровенное.
И тут посылы не складывать, лузгу слушивая, —
Что суставы логик выкручивать вялые,
В кривом твореньи блуждающей сущности —
В чьи бы глаза ни пролито талое —
Слёзы дьявола есть хохоты дьявола.

И вот тебе – из воплощений
С трезва уже или похмелья:
Зрячая капля, вбирая в себя всё – и до помутнения,
Сжимая до бешенства, походя,
До заговорённости страха, —
Кровью прикинется, выплеснутой среди праха,
Мечтою вернуться в ещё не остывшие жилы
Иглой заколдованной жизни.
Веселье,
В сердце войдя, разрывает его
Красным и чёрным хохотом.

Капля

Выпутываясь, как выясняется, из небытия,

Которое почитал забытьём опрометчиво,
Не очень-то различаешь, где граница тебя,
Где иное, тобой, как зарубиной, меченное.
Погружением в то чёрное,
Оставленное... извлечённое...
И вот вкупе оно – притча жизни твоей во плоти,
Что обёртывала, тащила в коловороте,
Запечатляясь всё в той же плоти,
Уводит, куда вряд ли было идти.
Проку – жизнь умножать, если – то же почти?
Или всё же иное в слове, краске, ноте —
Что уводит всего тебя, вплоть до тайных кровей,
В двери новые притчи твоей...

Так моряк, всё утратив,
Там, где смерть в полный рост
Ртом-крестом перекошенным
До Спасителя доставала,
Обращает остатки паруса в холст —
Каплею зависая...
Каменя
Между гребнями и провалом.

Индия Македонского

Дотянуться до самых краёв ойкумены —
Населённого человеческим телом

И духом пространства.
Да и есть ли у духа граница
Пространства, координаты, точка отсчёта,
Или то, что он мыслит и чувствует, то он и есть, —
Вроде этой зелёной – от соков древесных,
Речных, океанских – звезды.
Или взятой сатрапии, с тянущимся,
Будто женское, именем Согдиана.
Ложе каменное застилать за спиною
Осталось, увлажнённое взглядом,
И куда уже ты
Вряд ли телом когда-то вернёшься —
Всё вернее, всё крепче объятья краёв ойкумены.
И трофеи любви, будто древние
Изображенья со стен или ваз,
Вечно стройные пальмы,
Изгибистые лианы,
Чьи прелести – чудо тропические
Цветки и плоды —
Затаённые, стонущие джунгли тела и духа;
Поглощает их ночь – улиткой безмерной.
Весь ли ты в этом ощупью-зреньем?
Только недостижимы пределы,
Ускользают края, как ночной горизонт,
И просветы сквозят.

Ключ копыя...

Но какой шириною проход ни проделай фаланга —
След смыкается уже хвоста
Боевого слона противника,
Слона, чей отныне, по фронту перед тобой,
До земли обвисающий лоб
Стал привычнее бесконечных
Дымящихся ливней под цвет его кожи,
Летающих с пучками железа по округлым
Бокам его, то ли по сторонам,
Сводам света...

И тут,
Сколько сегодня его ни убей, —
А всё джунгли его возродят
Наступающим завтрашним днём.

Эхом вечера твоего — оседающий илами
Всюду ропот солдат —
Изнурённой редющей мышцы.
И рубцы на тебе,
Как зарубины роста империи,
Что давно уже тело второе твоё,
И рассыплется, следом за первым.
Точно так же улетучивается душа,
Возвращаясь в родное жилище идей,
В ожидании эманаций грядущих.

И змеиной уловкой – покинутому —
Возвращается статус
Непомерной добычи, которая падает,
Когда ты уже далеко.

* * *

Хотел, чтоб расцветали фонтаны, торты, клумбы,
Чтоб тела, слова и вещи
Пели, дрожа.
Вот так любовь из цветка
Переливается в клювы,
Так небо переливается в голубизну ножа.
Ну и закачало...
Ты куда, любовь-земля под ногою?
Всё есть любовь,
Отовсюду камни летят.
Огромное сердце
Переворачивается мешком,
Куполом над головою,
Останавливая дыхание, биенье, взгляд.

* * *

Образ, восходя, выстуживая тело,
Вроде бы делает лишним,
Так вечный двойник ангелом белым
Летит, исчерняя вишню.

И то, что друг другу сказать не сумели,
Теперь отовсюду слыша, —
Чем облетает на крыльях белых,
Правда, нежнее, тише?

На этих крыльях вряд ли слететься
Вам, половины мира.
Если развернуть половины сердца —
Посерёдке получится лира.

* * *

Смерть погладила меня рукою любимой женщины,
Чуть касаясь, пошептала её губами.
Я не помню, кому, что было обещано,
И какого считал себя исповеденья:

То ли горечи камня, летящего в ближнего,
Пересохшего русла, где зеркало броды
Небесам, свободным от взора Всевышнего,
Посреди нераскрытых ещё угодий.

Отчаявшимся

Не протрезветь!..

След-камень-брат горяч.

Сам воздух – перегорклое вино.

И как нательный крест носил он ключ

От дома, что сгорел давным-давно.

Цвет счастья... Приворотные цветы

Переменяются, вбирая срок.

Так почва устаёт от черноты —

И красный распускается цветок.

И что теперь? Закланные миры?

Примочки плоти к вечной головне?

Ведь с точки зренья вороной дыры

Алмазы, слёзы, льды – в одной цене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.